

УДК 94(47).083+929 Савинков

«СПОРТСМЕН РЕВОЛЮЦИИ»: ШТРИХИ К ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ Б. В. САВИНКОВА

Ю. В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет
E-mail: ybartho@mail.ru

В статье с использованием антропологических и историко-психологических приемов исследуется личность одной из самых противоречивых и ярких фигур революционного терроризма – Бориса Викторовича Савинкова. Анализируя тексты художественных произведений В. Ропшина, воспоминания и официальные документы, автор стремится охарактеризовать внутренний мир и морально-этические установки Савинкова и, таким образом, добавить несколько специфичных черт к историческому портрету одной из ключевых фигур революционной эпохи России начала XX века.

Ключевые слова: Борис Савинков, эсер, Боевая организация, организатор, террористические акты.

«The Athlete of the Revolution»: Strokes to the Historical and Psychological Portrait of B. V. Savinkov

Yu. V. Varfolomeev

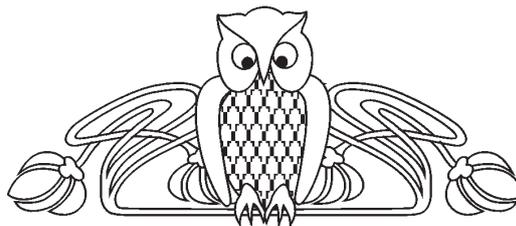
In this paper, using anthropological, historical and psychological techniques, the identity of one of the most controversial and prominent figures of revolutionary terrorism – Boris Viktorovich Savinkov – is investigated. Analyzing the texts of V. Ropshin's fiction works, memoirs and official documents, the author attempts to describe the inner world and the moral and ethical attitudes of Savinkov, and thus add some specific features of the historical portrait of the one of the key figures of the Russian revolutionary era at the beginning of the XX century.

Key words: Boris Savinkov, SR, tactical composition, organizer, terrorist attacks.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-4-40-46

Противоречивый и харизматичный лидер русского революционного террора Борис Викторович Савинков был носителем множества псевдонимов и партийных кличек: В. Ропшин, Вениамин, Джемс Галлей, Крамер, Ксешинский, Павел Иванович, Деренталь, Леон Роде, Д. Е. Субботин, Рене Ток, Адольф Томашевич, Константин Чернецкий. И точно так же сформировалась пестрая и разноречивая историографическая палитра, а еще корпус оценочных суждений о нем.

Изучению личности и преступной деятельности Савинкова посвящено немало работ. Одна из первых публицистических статей, носящих при этом исследовательский характер и оценочные суждения о выдающемся революционере, вышла из-под пера его политического визави, человека, отбывавшего вместе с ним ссылку, – большевистского наркома просвещения А. В. Луначарского.

Покрытую ореолом таинственности жизнь террориста и его загадочную смерть уже в двадцатые годы прошлого века пытались осмыслить современники¹. Так, например, эсер, публицист и историк Е. Е. Колосов в статье «Савинков как мемуарист» отмечает: «Хорошо, когда мемуарист мыслит образами, но если эти образы он склонен, благодаря живости своего воображения, отождествлять с действительностью, его правдивость подвергается большому искусству»².

В то время как в России, начиная с 1930-х гг. и вплоть до семидесятых, на эсеровскую и террористическую тематику в исторических исследованиях было наложено табу, работы о Савинкове выходили за рубежом. Среди них следует особо выделить труды К. Вендзягольского³, Д. Футмана⁴, Р. Б. Спенса⁵, М. Геллера⁶.

В 1975 г. в СССР был издан роман Василия Ардаматского «Возмездие»⁷, повествующий о Савинкове и об операции, организованной ВЧК по его поимке. Это художественное произведение, написанное в историко-приключенческом жанре, имеет, вместе с тем, и определенную научную ценность, так как автору удалось с высокой степенью достоверности реконструировать психологический портрет выдающегося авантюриста, основываясь, прежде всего, на информации, полученной лично от вдовы Савинкова – Л. Е. Дикгоф-Деренталь.

Можно считать, что научный прорыв в изучении революционного терроризма произошел в 90-е гг. прошлого века. В эти и последующие годы выходит целый ряд работ, как о различных сторонах террористической деятельности революционеров, так и непосредственно о его ключевых фигурах и, в частности, Б. В. Савинкове. В числе этих работ следует, прежде всего, выделить труды историков и литературоведов: К. В. Гусева, Ю. В. Давыдова, Д. Б. Жукова, Костина, В. А. Шенталинского, М. Б. Могильнер, А. П. Шикмана, Р. А. Городницкого, О. В. Будницкого, Д. Ю. Алексеева, В. А. Савченко, Г. З. Иоффе, Ю. В. Варфоломеева, Е. И. Гончаровой⁸.

Источниковый потенциал для реконструкции историко-психологического портрета Б. В. Савинкова весьма обширен. Особенно ценны для понимания личности, составления его психологического портрета воспоминания о нем соратников (В. М. Зензинова⁹, В. Н. Фигнер¹⁰, В. М. Чернова¹¹), противников (Великого князя Александра Михайловича¹², А. В. Луначарского, Н. Н. Суханова¹³), родных (матери С. А. Савин-

ковой¹⁴), близких (Л. Е. Дикгоф-Деренталь), известных политиков (У. Черчилль¹⁵), писателей (З. Н. Гиппиус¹⁶, Д. В. Философова¹⁷, С. Моэма¹⁸, Ю. П. Анненкова¹⁹, А. М. Ремизова²⁰, Ф. А. Степуна²¹, И. Г. Эренбурга²²). В большинстве своем эти документальные материалы опубликованы. Интересен и продуктивен для данного исследования анализ и таких источников, как рецензии и отзывы на литературные работы В. Ропшина (В. П. Кранихфельда²³, А. Измайлова²⁴). Кранихфельд, например, отмечал сходство Жоржа и Азефа, подчеркивая, что «почва, вспаханная Жоржем, как будто специально предназначалась для культуры “азефовщины” в самом широком масштабе. Нет закона – нет преступления. Все дозволено»²⁵.

Так что же представлял собой Борис Савинков – этот, по меткому выражению Великого князя Александра Михайловича, «спортсмен революции»? Еще при жизни его образ приобрел героически-романтический флёр супертеррориста, у которого не обыкновенная жизнь, «а кинематографическая лента – боевик о боевике». «Народное воображение, – отмечал современник, – не подозревая, что представляла собою на самом деле личность Савинкова, причисляло его к лику “святых революции” и приписывало ему все политические убийства, происшедшие в первом десятилетии двадцатого века. А говоря по правде, убил он собственноручно всего одного старого городского, оказавшегося безоружным»²⁶.

Савинков, примеряя на себя трагично-мистический образ принца Гамлета, подмеченный в нем Г. В. Плехановым и А. В. Луначарским, старался, по выражению К. Б. Радека, «быть Цезарем Борджиа», а на самом деле стал расчетливым и беспринципным прорабом кровавой «террорной работы», вербующим на весьма сомнительные «подвиги» «истерических молодцов, падких до его красноречия и готовых умереть за революцию»²⁷. В разговоре с английским писателем и разведчиком Сомерсетом Моэмом Савинков разоткровенничался и заявил ему, что террористический акт – «это такое же дело, как и всякое другое, к нему тоже привыкаешь»²⁸.

Савинков оказывал почти гипнотическое влияние и неизгладимое завораживающее впечатление на молодых рекрутов революционного террора. Ф. А. Степун колоритно и тонко прорисовывает психологический портрет Савинкова-оратора: «В суховатом неподвижном лице, скорее западноевропейского, чем типично русского склада, сумрачно, не светясь, горели печальные и жестокие глаза. <...> Говорил Савинков, в отличие от большинства русских ораторов, почти без жеста, надменно откинув лысеющую голову и крепко стискивая кафедру своими холеными барскими руками. Голос у Савинкова был невелик и чуть хрипл. Говорил он короткими энергичными фразами, словно вколачивая гвозди в стену»²⁹. Неприязненно относившийся к Савинкову

А. И. Куприн, тем не менее, очень точно передал магически-властный императив, исходивший от «спортсмена революции». «Я залюбовался этим великолепным экземпляром совершенного человеческого животного! – признавался он. – Я чувствовал, что каждая его мысль ловится послушно его нервами и каждый мускул мгновенно подчиняется малейшему намеку нервов. Такой чудесной машины в образе холодно-красивого, гибкого, спокойного и легкого человека я больше не встречал в жизни, и он неизгладимо ярко отпечатавался в моей памяти»³⁰.

Зензинов подметил, что Савинков порой рвался в тогу мистика, любил декламировать «под Сологуба» декадентские непонятные стихи, утверждал, что морали нет, есть только красота; а красота состоит в свободном развитии человеческой личности, в непрерывном развешивании и раскрытии всего, что заложено в душе человека³¹. Для ловкого революционера-мистификатора не существовали никакие моральные ценности и установки. Он считал, что предписания о должном и дозволенном, о недозволенном и недопустимом искусственно навязаны человеку воспитанием, влиянием окружающей обстановки и различного рода условностями. В итоге Савинков приходил к выводу о том, что человек должен освободиться от этих мещанских пут, так как они не дают возможности человеку развиваться свободно, не позволяют раскрыться его индивидуальности.

Однако если попытаться «смыть блестящий слой политической фразеологии с лица русского революционного движения, – писал Великий князь Александр Михайлович, – мы получим истинный облик его оловянных богов, фанатиков, авантюристов, которые претендовали на министерские посты, столбовых дворян-революционеров и др. разрушителей Империи»³². Несомненно, что Савинков являлся как раз одним из таких «оловянных богов» «ледяной пустыни», о которой говорил К. П. Победоносцев.

Мораль и психика террориста представляли собой гремячую смесь тираноборческих настроений, революционного фанатизма, религиозной жертвенности и некрофильских настроений. Сдвиги в их внутренней системе координат человеческих ценностей приводили к тому, что политическое убийство они считали «высшим актом человеческой активности во имя общего блага, актом справедливости...», и, с моральной точки зрения, убийство «в глазах самого террориста могло быть оправдано до некоторой степени – только до некоторой степени! – лишь тем, что террорист отдавал при этом свою собственную жизнь, – отмечал В. М. Зензинов. – Но преступлением в его собственной оценке оно всегда оставалось»³³. Последнее утверждение весьма спорно, хотя автор этой сентенции как никто другой близко знал целую когорту террористов, включая одного из их лидеров – Б. В. Савинкова, и, несомненно, хорошо разбирался в их мировоззрении.

Германский историк М. Хилдермейер справедливо замечает, что в эсеровских декларациях террористические акты получали дополнительное оправдание при помощи моральных и этических аргументов. «На террористов распространялась особая аура, – делает вывод Будницкий, – ставившая их выше обычных членов партии, как их удачно называет Хилдермейер, “гражданских членов партии”. Ведь террористы должны были быть готовы отдать жизнь за дело революции»³⁴.

Между тем отношение к террору у социалиста-революционера всегда было трепетное – «почти благоговейное», – уточнял Зензинов, – и в качестве наглядного примера выражения такого преклонения перед «священной королевой» террора он приводил слова члена Боевой организации сормовского рабочего Ивана Двойникова, который как-то сказал: «Я не достоин идти на такое дело. До того, как я поступил в партию, я вел нетрезвую жизнь – пил и гулял, а на это дело надо идти в чистой рубашке»³⁵. Невдомек было рабочему Ивану Двойникову, что его «нетрезвая жизнь» – это «детские шалости» по сравнению с тем страшным грехом человекоубийства, который он сознательно и благоговейно принимал на себя из рук обольщившей его партии революционных террористов.

С щепетильностью одевая, идя «на дело», «чистые рубашки», террористы затем с легкой душой окропляли свои руки по локоть в крови во имя, как им казалось, «всеобщего блага». «Террористический акт, – считали они, – это не столько акт мести или расправы, сколько призыв к действию, к самопожертвованию – на благо родины, народа, во имя человечества»³⁶. Цинично, но точно описал эту дилемму, этот выбор между добром и злом на примере одного из террористических актов его организатор – Б. В. Савинков: «Смерть Плеве была необходима для России, для революции, для торжества социализма. Перед этой необходимостью бледнели все моральные вопросы на тему о “не убий”»³⁷.

В то же время идеологам и лидерам террора невозможно было обойти вниманием вопрос ценности человеческой жизни и моральной ответственности за совершаемые ими убийства. «Фигнер и Савинков, по инициативе последнего, вели дискуссии о ценности жизни, об ответственности за убийство и о самопожертвовании, о сходстве и различии в подходе к этим проблемам народолюбцев и эсеров, – пишет О. В. Будницкий. – Фигнер эти проблемы казались надуманными. По ее мнению, у народолюбца, “определившего себя”, не было внутренней борьбы: “Если берешь чужую жизнь – отдавай и свою легко и свободно... Мы о ценности жизни не рассуждали, никогда не говорили о ней, а шли отдавать ее или всегда были готовы отдать как-то просто, без всякой оценки того, что отдаем или готовы отдать”... Для народолюбцев не существовало проблемы абсолютной ценности жизни»³⁸. Между тем Ропшин-Савин-

ков в первой части романа «То, чего не было» в интерьере обломков баррикады Московского декабрьского вооруженного восстания 1905 г. вкладывает в уста своих героев мучительное раздумье о ценности человеческой жизни. Пространные размышления Болотова завершаются такими словами: «По-моему, либо убить всегда можно, либо... либо убить нельзя никогда»³⁹.

«По вере террориста, – пояснял Зензинов, – акт его последнего самопожертвования должен зажечь сердца тысяч других людей волей к борьбе за общее благо»⁴⁰. Эпиграфом террористической борьбы в те годы с успехом мог стать аллегорический, зажигательный пассаж из поэмы А. М. Горького о «соколе»: «О, смелый сокол! В бою с врагами истек ты кровью, но будет время – и капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке ночи и сотни храбрых сердец зажгут они безумной жаждой свободы, света!». «И его слова, – по утверждению Зензинова, – находили горячий отклик в сердцах русской молодежи»⁴¹. Правда «буревестник революции» не указал партийную принадлежность зажигательного «сокола», поэтому оставил возможность и эсдекам, и эсерам с одинаковой уверенностью представлять себя безумными поджигателями «храбрых сердец». Между тем только террорист, идущий на смерть, мог напрямую отождествлять себя с горьковским персонажем из мира животных.

Вообще безумная жертвенность и некрофильские настроения воспевались, почти что по-горьковски, и самими террористами. Вот как, например, с пророческим предвидением переживал свой неизбежный конец И. П. Каляев: «Я часто думаю о последнем моменте. Мне бы хотелось погибнуть на месте – отдать всё – всю кровь, до капли... Ярко вспыхнуть и сгореть без остатка. Смерть упоительная. Да, это завидное счастье. Но есть счастье еще выше – умереть на эшафоте. Смерть в момент акта как будто оставляет что-то незаконченным. Между делом и эшафотом еще целая вечность – может быть, самое великое для человека. Только тут узнаешь, почувствуешь всю силу, всю красоту идеи. Весь развернешься, расцветешь и умрешь в полном цвете... как колос созревший, полновесный». «Через такую именно смерть и прошел Каляев»⁴², – констатировал в итоге Зензинов. Между тем сам Борис Савинков, недрогнувшей рукой пославший друга и единомышленника сначала на преступление, а затем и на эшафот, много лет спустя, находясь в Лубянской тюрьме, признался: «Когда казнили Ивана Каляева, я был в Париже. Я не спал ни минуты четыре ночи подряд...»⁴³.

В то же время заигрывание со смертью и любование процессом принесения себя в жертву революционному Молоху характерны для многих террористов. Известный философ и публицист Ф. Степун, близко знавший Б. В. Савинкова, подметил, что «Душа Бориса Викторовича, одного из самых загадочных людей среди всех, с которыми

мне пришлось встретиться, была, как и его воинственный язык, так же лишь извне динамична, но внутренне мертва. Оживал Савинков лишь тогда, когда начинал говорить о смерти. <...> не могу не высказать уже давно преследующей меня мысли, что вся террористическая деятельность Савинкова и вся его кипучая комиссарская работа на фронте были в своей последней, метафизической сущности лишь постановками каких-то лично ему, Савинкову, необходимых опытов смерти. Если Савинков был чем-нибудь до конца захвачен в жизни, то лишь постоянным самопогружением в таинственную бездну смерти»⁴⁴.

В этом отношении мировоззрение Савинкова было вполне созвучно настроениям представителей Серебряного века. О. В. Будницкий точно охарактеризовал прозу Савинкова: «Его художественные произведения достаточно холодны и навеваны скорее декадентской литературой, чем внутренними переживаниями»⁴⁵. С этой точки зрения харизматичного лидера и идеолога Боевой организации эсеров можно назвать певцом террора Серебряного века России.

Наряду с этим, тот же самый Савинков, по мнению Будницкого, внес наибольший вклад в нравственное оправдание, а затем и в развенчание терроризма. «Его очерки о товарищах по Боевой организации – Егоре Созонове, Иване Каляеве, Доре Бриллиант, Максимилиане Швейцере – настоящие революционные “жития”, – пишет Будницкий. – Трудно понять, насколько нарисованные им образы соответствуют реальным характерам и нравственным ориентирам этих людей, а насколько воплощают собственные чувства Савинкова. Любопытно, что когда Савинков в 1907 году читал уже написанный, но еще не опубликованный очерк о Каляеве пережившей Шлиссельбург и вернувшейся из небытия Вере Фигнер, та сказала, что это не биография, а прославление террора»⁴⁶. Продолжая мысль легендарной народницы, можно сказать, что биографии ее «подкидышей»⁴⁷ – это не просто судьбы ультрареволюционеров, это летопись рудынского терроризма. Мотив самопожертвования, неизменно присутствовавший в сознании революционеров и нередко демонстрировавшийся ими во время террористических актов, привел американских историков Э. Найт и А. Гейфман к выводу о том, что, возможно, многие террористы имели психические отклонения и их участие в террористической борьбе объяснялось некрофильскими настроениями.

Однопартийцы воспринимали Савинкова как человека, ищущего острых впечатлений жизни, этакое, по выражению А. Н. Черновой «кавалергарда революции». Его воспринимали, чуть ли не бретером, который любит рисковать своей жизнью. Эту особенность, кстати, подметил в нем и Ф. А. Степун. Раскрывая психологическую сущность легендарного террориста, он отмечал: «Громадным подспорьем... была его биологическая храбрость. Смертельная опасность не только

повышала в нем чувство жизни, но и наполняла его душу особою жуткою радостью». Степун приводит слова самого Савинкова: «Смотришь в бездну, и кружится голова, и хочется броситься в бездну, хотя броситься на верное погибнуть»⁴⁸.

При этом А. В. Луначарский отмечает еще одну очень важную черту натуры Савинкова, называя его «артистом авантюры»⁴⁹. Большевикский нарком доказывал, что он – человек в высшей степени театральный, по которому трудно определить, когда он играет роль перед самим собой, а когда – перед другими. Причисляя Савинкова к «Гамлетам всевозможных уездов», Луначарский отмечает в нем такие доминирующие черты, как самовлюбленность и самозаинтересованность. По его мнению, такой тип людей – это нытики, «копающиеся в себе, любящие себя заушать, плакаться и жаловаться другу и щекотать чувствительность барышень своим разочарованием»⁵⁰. Трудно не согласиться с Луначарским в отношении увлечения барышнями subtilным, нервно-чувственным террористом. Луначарский настаивает на эгоцентризме Савинкова, или, как он уточняет, его «ячестве». «Для него, – отмечал Луначарский, – призыв к революции означал особо эффектную сферу для проявления собственной оригинальности и для своеобразного чисто-личнического империализма»⁵¹. Как ни странно, и поэтесса Серебряного века Зинаида Гиппиус, хорошо знавшая Савинкова, подтвердила наблюдение Луначарского: «Борис Савинков – сильный, властный индивидуалист. Личник»⁵², – записала она в дневнике. Однако это не просто идеологический фронт. Это не шарлатан авантюры, а ее артист, как подметил Луначарский: «У Савинкова всегда было достаточно вкуса, он умел войти в свою роль. Повторяю, перед другими несомненно, но, может быть, и перед самим собою ежедневно и ежечасно разыгрывал он роль героя, загадочной фигуры со множеством затаенных страстей и планов в своей сердцевине, с несокрушимой волей, направленной к раз навсегда поставленной цели, с темными, терпкими противоречиями между захватывающим благородством своих идеалов и беспощадным аморализмом в выборе средств»⁵³.

Вместе с тем Савинкова постоянно терзали сомнения относительно правильности избранного им пути. Он «замечал и постоянно мысленно анализировал эти разъедающие свойства своего характера, своеобразную извращенность, заставляющую во всем сомневаться, и тогда одиночество и тоска с особой силой захватывали его, – отмечает Р. А. Городницкий. – Единственный выход из этого положения Савинков видел в действии, в борьбе. Ему казалось, что именно действенная связь с товарищами поможет преодолеть внутренние мучения, Однако даже сам себе Савинков не мог ответить: “Куда поведет меня дальше моя мятежная звезда”»⁵⁴. Размышляя над идеями и партийной ориентацией Савинкова, Степун утверждал: «Ни демократа в русском смысле этого

слова, ни народника, ни, тем более, партийного социалиста я, работая с Борисом Викторовичем, никогда в нем не замечал... Это подтверждается, как мне кажется, и языком его очерков. Афористической жестикюляцией этого языка, его латинской нарядностью и риторичностью, его эффективным, но одновременно и мертвенным блеском»⁵⁵.

Серьезный излом в мировоззрении и психологии Савинкова произошел в годы Великой русской революции. Своими смятенными чувствами он делился в письме Гиппиус: «Я стою на распутье и не знаю – куда идти и куда понесет течение. Писать, конечно, буду, но не сейчас. Сейчас одно – молитва за Россию <...> Не думаю ни о чем. Живу, т. е. работаю, как никогда не работал в жизни. Что будет – не хочу знать. Люблю Россию и потому делаю. Люблю революцию и потому делаю. По духу стал солдатом и ничего больше. Все, что не война, – едва ли не чужое. Тыл возмущает. Петроград издали вызывает тошноту»⁵⁶. Сопратник Савинкова К. Вендзягольский также обратил внимание на происшедшую в нем перемену. «Пришла пора отбросить революционный романтизм, заменив его революционным позитивизмом, свободным от оклократических предрассудков»⁵⁷, – рассуждал Савинков.

Зинаида Гиппиус дала характерный портрет Савинкова того смутного времени: «Это чисто мужская натура до такой степени, что в нем для полтика чересчур много прямой гордости и мало интриганства. Все исчезало, когда дело касалось дела»⁵⁸. Савинков действительно влюбился в роль «слуги народа», служение которому, однако, сводилось в его интерпретации «к утолению более или менее картинными подвигами ненасытного честолюбия и стремлению постоянно привлекать к себе всеобщее внимание, – отмечал А. В. Луначарский. – Как истерическая женщина не может спокойно посидеть минуту в обществе, потому что ей нужно заставить его вращаться вокруг себя, так точно и Савинкову нужно было постоянно шуметь и блистать»⁵⁹.

Однако, как считает Е. И. Фролова, мнение ряда зарубежных, советских и нынешних историков о властолюбии Савинкова – несправедливо и предвзято⁶⁰, и ссылается при этом на характеристику, данную ему Уинстоном Черчиллем. «В первую половину своей жизни он вел борьбу, часто в одиночестве, против императорской короны России. Во вторую половину своей жизни он сражался, опять нередко один, против большевистской революции. И царь, и Ленин были в его глазах одним и тем же – тиранами, оба хотели преградить дорогу свободному развитию России», – утверждал Черчилль. В более свободной, демократической стране «перед ним были бы открыты сто разных поприщ. Но случилось так, что со своим умом, со своей силой воли он родился в России... Несмотря на несчастья, им испытанные, опасности, им преодоленные, преступления, им совершенные, он выказал мудрость государствен-

ного человека, талант полководца, храбрость героя и стойкость мученика»⁶¹.

Однако хитросплетенная коварная комбинация ВЧК привела Савинкова в итоге к лубянскому заточению. Доктор Д. С. Пасманик, с которым отставной террорист беседовал в Париже накануне своего отъезда в Россию, приводит его слова: «В одном отношении я сменил вехи <...> тогда речь шла о борьбе, а в случае неудачи – о смерти как символе борьбы с большевиками». Пасманик считает, что в этом разгадка сущности «спортсмена революции», «ибо, что бы ни говорили его нынешние противники, мы присутствуем не при пошлом фарсе, а при тяжелой трагедии»⁶². Размышляя над финалом великой драмы, сыгранной непревзойденным «артистом авантюры», А. И. Куприн посвятил Савинкову две статьи с весьма характерными названиями: «Выползень» и «Межевой знак». «Для нас самое важное, – считал писатель, – то, что вместе со смертью Савинкова умер и навсегда отошел в прошлое героический период революции. Тут межа, на которой память о талантливом и необычайном человеке стоит высоким трагическим символом»⁶³.

Между тем «Борис Савинков сохранился в исторической памяти всей своей феноменально яркой, жестокой и противоречивой судьбой и гибелью, – приходит к выводу Фролова. – Сохранился, как и жил, непонятым до конца, как тунгусский метеорит. <...> Он действовал согласно своим убеждениям и умел идти до конца, до последнего предела, не теряя надежды и не останавливаясь перед преградами, если видел ясную цель, какова бы она ни была с точки зрения потомков»⁶⁴. В свое время Зензинов вынужден был признать, что «жизнь и судьба террориста – всегда драма, всегда трагедия»⁶⁵. И это в полной мере относится к супертеррористу Б. В. Савинкову, вся жизнь которого, по справедливому замечанию А. М. Ремизова, «ушла на организацию истреблений»⁶⁶.

Террорист и писатель Савинков-Ропшин вывел из стойла Апокалипсиса только двух «коней» революции – Бледного («Смерть») и Вороного («Голод») и вместо ненаписанной тетралогии в его судьбе осталась драматичная диалогия. «“Конь вороной” – это панихида, реквием по Белому движению, – считает Е. И. Фролова. – Тут явно ощутим очередной надлом души непримиримого оппозиционера и ярого антибольшевика. Его мучают не просто сомнения, а жестокие в своей безысходности мысли: так ли жил, так ли действовал, верна ли была сама затеянная им борьба?»⁶⁷, и как бы отвечая на этот сакральный вопрос, Великий князь Александр Михайлович свел воедино почти все ипостаси Савинкова: «Ландскнехт, поэт, “великий любовник”, блестящий рассказчик, любитель поеть, мастер и раб громких слов, Борис Савинков боролся со всеми строями только во имя борьбы»⁶⁸. Очевидно, в этом заключался весь смысл жизни «спортсмена революции» Бориса Савинкова.

Примечания

- 1 См.: Загадка Савинкова / под ред. П. А. Арского. Л., 1925; *Тютчев Н. С.* Заметки в «воспоминаниях» о Б. В. Савинкове // В ссылке и другие воспоминания : в 2 ч. М., 1925. Ч. II; *Горбунов М. (Колосов Е. Е.)* Савинков как мемуарист // Каторга и ссылка. 1928. № 3–5. С. 35–40.
- 2 *Савинков Б. В.* Воспоминания террориста. Л., 1990. Статья Колосова опубликована в журнале «Каторга и ссылка» (1928, № 3–5. С. 35–40) под псевдонимом М. Горбунов.
- 3 *Вендзягольский К.* Савинков // Новый журнал. 1962. № 68, 70; *Wędziągowski K.* Boris Savinkov : Portrait of a Terrorist. Twickenham, Kingston Press, 1988.
- 4 *Footman D. V. V. Savinkov.* Oxford, St. Antony's College, 1956.
- 5 *Spence R. B.* Boris Savinkov : Renegade on the Left. Boulder (CO), 1991.
- 6 *Heller M.* Krasin-Savinkov : Une rencontre secrète // Cahiers du Monde russe et soviétique. Jan. – Mar., 1985. Vol. 26, № 1. P. 63–67.
- 7 *Ардаматский В.* Возмездие. М., 1975.
- 8 См.: *Гусев К. В.* Рыцари террора. М., 1992; *Давыдов Ю. В.* Тайная лига. М., 1990; *Он же.* Савинков Борис Викторович, он же В. Ропшин. Беглые заметки вместо академического предисловия // В. Ропшин (Борис Викторович Савинков). То, чего не было. М., 1990; *Жуков Д. Б.* Савинков и В. Ропшин. Террорист и писатель // Таинственные встречи. М., 1992; *Костин Н.* Супертеррорист Савинков // Герои и антигерои Отечества. М., 1992. С. 296–325; *Шенталинский В. А.* Свой среди своих. Савинков на Лубянке // Новый мир. 1996. № 7, 8; *Шикман А. П.* Деятели отечественной истории. Биографический справочник. М., 1997; *Городницкий Р. А.* Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998; *Могильнер М. Б.* Мифология «подпольного человека». М., 1999; *Алексеев Д. Ю.* Б. В. Савинков и его деятельность по формированию русских войск в Польше в 1920-м году // Вестник молодых ученых. Исторические науки. 1999. № 1. С. 69–81; *Савченко В. А.* Многоликий Савинков // Авантюристы гражданской войны : Историческое расследование. М., 2000. С. 256–289; *Будницкий О. В.* Терроризм в российском освободительном движении : идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 2000; *Он же.* Терроризм и современность. Статья первая // Полемика : Электронный журнал. Вып. 10. URL: <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/10/bud/>; «Революционное христианство» // Русская литература. 2005. № 1; *Гончарова Е. И.* Савинков Б. В. // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Библиографический словарь : в 3 т. М., 2005. Т. 3. С. 249–253; *Иоффе Г. З.* Революционер : Жизнь и смерть Бориса Савинкова // Новый исторический вестник. 2009. № 20; *Он же.* То, что было // Новый журнал. 2009. № 255; *Варфоломеев Ю. В.* Знаменитые судебные процессы по делам революционных террористов в России (1901–1911). Энгельс, 2009; *Он же.* Евно Азеф : провокация и террор (по материалам
- Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 24–28.
- 9 *Зензинов В. М.* Пережитое. Нью-Йорк, 1953.
- 10 *Фигнер В. И.* Избранные произведения : в 3 т. М., 1933. Т. 3.
- 11 *Чернов В. М.* Перед бурей. Воспоминания. М., 1993.
- 12 Воспоминания Великого князя Александра Михайловича. М., 1999.
- 13 *Суханов Н. Н.* Записки революции : в 3 т. М., 1992. Т. 3 (кн. 5–7).
- 14 *Савинкова С. А.* Годы скорби (Воспоминания матери) // Былое. 1906. № 7.
- 15 *Черчилль У.* Борис Савинков // Звезда. 1995. № 11. С. 114–122.
- 16 *Гиппиус З.* Дневники : в 2 кн. М., 1999. Кн. 1; Письма З. Гиппиус к Б. Савинкову : 1908–1909 годы // Русская литература. 2001. № 3; «Религиозная общественность» и террор // Русская литература. 2003. № 4.
- 17 *Философов Д.* Царь и революция. М., 1999.
- 18 *Мозм С.* Записные книжки. М., 1999.
- 19 *Анненков Ю. П.* Дневник моих встреч : Цикл трагедий : в 2 т. Л., 1991. Т. 2.
- 20 *Ремизов А.* Собр. соч. : в 10 т. М., 2000. Т. 8.
- 21 *Степун Ф. А.* Бывшее и несбывшееся. М.; СПб., 1995.
- 22 *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь : в 3 т. М., 1990. Т. 1.
- 23 *Кранихфельд В.* Литературные отклики. Ставка на сильных // Современный мир. 1909. № 5. II отд. С. 71–92; *Кранихфельд В.* Ответ Г. В. Плеханову // Современный мир. 1913. № 2. II отд. С. 99–110.
- 24 *Измайлов А.* То, чего не было // Биржевые ведомости. 1912. 1 июня.
- 25 Современный мир. 1909. № 5. II отд. С. 82.
- 26 Воспоминания Великого князя Александра Михайловича. С. 301.
- 27 Там же.
- 28 *Мозм С.* Указ. соч. С. 188.
- 29 *Степун Ф. А.* Указ. соч. С. 365.
- 30 *Куприн А. И.* Голос оттуда. М., 1999. С. 135.
- 31 См.: *Зензинов В. М.* Указ. соч. С. 152.
- 32 Воспоминания Великого князя Александра Михайловича. С. 302.
- 33 *Зензинов В. М.* Указ. соч. С. 154.
- 34 *Будницкий О. В.* Терроризм и современность.
- 35 *Зензинов В. М.* Указ. соч. С. 157.
- 36 Там же.
- 37 *Савинков Б. В.* Воспоминания террориста. С. 43.
- 38 *Будницкий О. В.* Терроризм в российском освободительном движении. С. 157–158.
- 39 *Ропшин В.* То, чего не было. М., 1990. С. 78–84, 97.
- 40 *Зензинов В. М.* Указ. соч. С. 160.
- 41 Там же. С. 167.
- 42 Там же. С. 182.
- 43 Борис Савинков на Лубянке. Документы. М., 2001. С. 189.
- 44 *Будницкий О. В.* Терроризм и современность.

- ⁴⁵ Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении. С. 161.
- ⁴⁶ Там же. С. 159.
- ⁴⁷ В. Н. Фигнер, получив как-то раз письмо от Б. В. Савинкова с трогательной подписью: «Ваш сын», не удержалась от восклицания: «Не сын, а подкидыш!». (Фигнер В. Н. Запечатленный труд : в 7 т. М., 1933. Т. 3. С. 163).
- ⁴⁸ Степун Ф. А. Указ. соч. С. 368.
- ⁴⁹ Луначарский А. В. Артист авантюры // Правда. 1924. 5 сентября.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Гиппиус З. Дневники. Кн. 1. С. 191.
- ⁵³ Луначарский А. В. Указ. соч.
- ⁵⁴ Городницкий Р. А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998. С. 188.
- ⁵⁵ Степун Ф. А. Указ. соч. С. 369.
- ⁵⁶ Звенья. Кн. 2. М.; СПб., 1992. С. 136.
- ⁵⁷ Вендзягольский К. Савинков // Новый журн. 1962. № 68. С. 59.
- ⁵⁸ Там же. С. 193 ; Звенья. Кн. 2. С. 55.
- ⁵⁹ Луначарский А. В. Указ. соч.
- ⁶⁰ Фролова Е. И. Борис Савинков : террор как трагедия // Вопросы истории. 2009. № 3. С. 93.
- ⁶¹ Черчилль У. Борис Савинков // Звезда. 1995. № 11. С. 119.
- ⁶² За свободу! 7.X.1924. № 289.
- ⁶³ Куприн А. И. Голос оттуда. М., 1999. С. 133–138, 482.
- ⁶⁴ Фролова Е. И. Борис Савинков : террор как трагедия // Вопросы истории. 2009. № 3. С. 101.
- ⁶⁵ Зензинов В. М. Указ. соч. С. 156.
- ⁶⁶ Ремизов А. Указ. соч. С. 500.
- ⁶⁷ Фролова Е. И. Указ. соч. С. 99.
- ⁶⁸ Воспоминания Великого князя Александра Михайловича. С. 109.